

А. С. КИСЕЛЕВ

СОВЕТСКИЙ ГЕНЕРАЛ, ПОСТАВИВШИЙ ПОДПИСЬ ПОД АКТОМ О КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ

Акт о безоговорочной капитуляции Германии со стороны Советского Союза подписывал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Но кто сразу вспомнит того, кто подписывал от имени Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил акт о капитуляции Японии – акт, завершивший Вторую мировую войну? Это был генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко.

14 ноября 1904 г. в селе Косеновка Уманского уезда Киевской губернии родился мальчик, названный по святцам Кузьма. Он рос в многодетной семье. С трех до девяти лет жил на Вологодчине, куда (в Великий Устюг) в 1907 г. сослали отца за участие в событиях первой русской революции. Кузьма Деревянко науку начал постигать в церковно-приходской школе, в которой проучился три года (1917), три класса гимназии в г. Умань (1919), один класс профагронимической школы (1922). Имел немалый рабочий стаж (каменотёс, разнорабочий, пахарь).

С 25 августа 1922 г. – в Красной Армии, когда поступил в Киевскую школу червонных старшин (красных командиров), которую в октябре 1922 г. слили с Харьковской школой военных старшин в так называемую Объединенную школу червонных старшин. С октября 1923 г. школа носила название «5-я Объединенная школа красных старшин». Школа красных командиров, созданная в Харькове еще в 1920 г., являлась по существу главным военным училищем Советской Украины, где с перспективой на мировую революцию велось преподавание и иностранных языков, в том числе, японского. Окончив школу в 1924 г. в возрасте 20 лет, Кузьма Деревянко мог изъясняться, читать и писать на японском языке.

В качестве строевого командира К. Н. Деревянко начал службу в 99-й стрелковой дивизии, где командовал взводом, ротой, был заведующим военным кабинетом черкасского Дома Красной Армии. В 1927 г. он вступил в ВКП(б).

Советскому государству, как полагало его политическое руководство, нужна была новая военная элита. В 1930–1931 гг. в Красной Армии прошла первая чистка военспецов – бывших генералов и офицеров царской армии. С этого момента Деревянко, проявивший аналитические способности, на штабной работе он стал начальником штаба 296-го стрелкового полка, а затем служил в должности помощника начальника сектора 2-го отдела штаба Украинского (позднее Киевского) военного округа. В 1933 г. он поступает на Восточный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе, созданный для подготовки кадров военных дипломатов и разведчиков стратегической военной разведки Красной Армии со знанием восточных языков. Там он совершенствует свое знание японского языка и овладевает английским. В Москву переехал с семьей, так как был женат на девушке из своего села.

После окончания академии в 1936 г. по I разряду К. Н. Деревянко служит в Разведывательном управлении РККА – в Отделе спецзаданий Генштаба РККА. На новой должности его ждала долгосрочная командировка в Китай. Несмотря на то, что Китайская Республика и Японская империя вели периодические боевые действия, полномасштабная Японо-китайская война развернулась в 1937 г. и закончилась с капитуляцией Японии в 1945 г. В то время Советский Союз был единственной страной, которая оказывала Китаю существенную помощь военной техникой, оружием, боеприпасами и специалистами. К. Н. Деревянко принял активное участие в этой войне.

Капитан Деревянко проводил секретную операцию по снабжению оружием китайских войск, воевавших с японцами. С октября 1936 г. по май 1938 г. он возглавлял перевалочную базу на станции Сары-Озек (Алма-Атинская область ныне Республики Казахстан), через которую шла военная помощь этой стране. Родные лишь через десятилетия узнали, что он занимался переброской транспортов с оружием из Советского Союза в Китайскую Республику. Через пустыню Гоби и горы Тянь-Шань две тысячи километров шли транспорты с пушками, пулемётами и винтовками, снарядами и патронами. Советский Союз поставлял также танки, самолёты, автомобили, тягачи.

В марте 1938 г. «всесоюзный староста» М. И. Калинин в Кремле лично вручил орден Ленина 33-летнему разведчику. Нелишне вспомнить, что награждение в те годы орденом Ленина был исключительной редкостью.

Летом 1938 г., после возвращения из Китая, К. Н. Деревянко был назначен на должность начальника 12-го административно-хозяйственного отдела по ма-

териальному обеспечению Разведывательного управления РККА, на которой находился с июня 1938 г. по июль 1940 г.

Осенью 1938 г. над ним нависла угроза ареста. На Деревянко после ареста братьев его отца и родного брата посыпались доносы и различные обвинения. Вспомнили ему и то, что он, советский командир, женат на дочери священника. Всё доносы проверялись комиссиями. А кое-кто из проверяющих всё это подтверждал!

Известно, что и одного пункта из предъявленных обвинений в то время было достаточно, чтобы человека исключили не только из списка сотрудников секретной службы, но и из числа живых. Однако этого не произошло. Анализ дат показывает, что несколько волн репрессий, прошедших в армии, он пережил, находясь в Китае.

Дело разбиралось в день 34-летия орденосца, 14 ноября 1938 г. Он защищался, сохраняя достоинство.

3 февраля 1939 г. парткомиссия Разведупра объявила ему выговор за сокрытие от партии данных «об антисоветских деяниях братьев отца». К. Н. Деревянко протестует, требует пересмотра дела. Защиту осуществлял с пониманием тонкостей военного искусства, не забывая ни об одном из своих слабых мест. При случае, разоблачая очередную ложь, он переходил и в наступление. 8 марта 1939 г. парткомиссия Наркомата обороны пересмотрев дело, отменила предыдущее решение.

Неизвестно, где, на каком уровне и кто решал «его вопрос», но 9 апреля 1939 г. появилась положительная аттестация на майора Деревянко за подписью заместителя начальника Разведуправления РККА комдива Орлова: «Волевой командир с большой склонностью к организационной и командной работе. Хорошо проявил эти качества при выполнении в командировке особых заданий. Награжден орденом ЛЕНИНА. Делу партии и Родине предан.

<...> С работой вполне справляется. Хороший администратор, пользуется авторитетом. В личной жизни выдержан. Политически и морально устойчив. Должности вполне соответствует. Изучает английский язык.

Дальнейшее использование более целесообразно на разведывательной работе в войсках или в аппарате РО округов.

<...> может командовать полком<...> В военное время также может быть использован на строевой командной работе или в органах разведки» [8, с. 616].

Во время Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) доброволец майор

К. Деревянко был назначен начальником штаба Особого лыжного отряда 9-й армии. Это была разведывательно-диверсионная часть, сформированная в основном из ленинградцев – добровольцев и студентов Государственного института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Командовал им легендарный в годы войны в Испании разведчик-диверсант полковник Х.-У. Мамсуров, известный под именем полковника Ксанти (ставшего прототипом героя романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол»).

Начальник штаба отряда К. Н. Деревянко «успешно руководил разведывательно-диверсионными действиями отряда, принимал личное участие в разработке всех его боевых рейдов по тылам противника. За мужество, отвагу и находчивость, проявленные в борьбе с белофиннами <...> был награжден именными золотыми часами и орденом Красной Звезды» [6, с. 45]. Кроме того, ему было присвоено внеочередное воинское звание полковник. То, что Деревянко занимался не только планированием, служит такой пример. Когда лыжный отряд чемпиона страны 1939 г. по 20-километровому кроссу красноармейца В. Мягкова (посмертно присвоено звание Героя Советского Союза) попал в засаду белофинов и был разгромлен, другой отряд под командованием К. Деревянко вынес раненых и погибших.

Уже в зимнюю кампанию 1941–1942 г. Красная Армия сумела применить опыт Советско-финляндской войны в контрнаступлении под Москвой. Это коснулось в первую очередь маневренных боевых действий зимой, экипировки и снабжения войск. Советское командование, испытывая нехватку в бронетехнике, применяло в качестве подвижных войск кавалерию и лыжные бригады, которые, опираясь на приобретенный в «зимней войне» опыт, обходили фланги немецких войск и заставляли их отступать вдоль дорог на 100-300 км от Москвы.

В июле 1940 г. полковник Деревянко был назначен заместителем начальника разведотдела штаба Прибалтийского Особого военного округа по агентурной разведке. В январе–марте 1941 г. он, выполняя особое задание, находился на территории Восточной Пруссии. «Обладая значительным опытом организации агентурной разведки, т. Деревянко проделал большую работу по добыванию сведений о сосредоточении крупной группировки немецко-фашистских войск на территории Восточной Пруссии и в северо-восточных районах Польши» [6, с. 45].

С началом Великой Отечественной войны полковник К. Н. Деревянко – за-

меститель начальника разведывательного отдела, а с конца июня 1941 г. по май 1942 г. – начальник разведывательного отдела штаба Северо-Западного фронта. Он принимал активное участие в Прибалтийской оборонительной операции войск фронта в Литве и Латвии, южной части Эстонии, Псковской области РСФСР (июнь–июль 1941 г.). В середине августа 1941 г. во время нанесения войсками Северо-Западного фронта контрудара под Старой Руссой полковник Деревянко, не изменявший своему правилу – лично участвовать, если это позволяет обстановка, в проведении разного рода операций, возглавил рейд в тыл немецких войск, в ходе которого из немецкого концлагеря было освобождено около двух тысяч пленных красноармейцев, многие из которых пополнили войска фронта. Он участвовал в планировании, подготовке и проведении Торопецко-Холмской операции (январь–февраль 1942 г.), уничтожении группировки противника в районе Демянска.

«Умело руководил фронтовой разведкой в период тяжелых оборонительных боев наших войск при их отходе от границ с Восточной Пруссией и из Прибалтики до района городов Демянск и Валдай. Под руководством т. Деревянко была хорошо обеспечена в разведывательном отношении Осташковская наступательная операция войск <...> фронта, в результате которой немцы были отброшены из района оз. Селигер до рубежа Холм – Великие Луки – Западная Двина» [6, с. 45].

Постановлением СНК СССР от 3 мая 1942 г. присвоено воинское звание «генерал-майор».

В мае 1942 г. – декабре 1943 г. – начальник штаба 53-й армии Северо-Западного, Степного, 2-го Украинского фронтов. Участвовал в Белгородско-Харьковской стратегической операции в ходе Курской битвы, освобождении Левобережной Украины.

Командующий 53-й армией генерал-полковник И. М. Манагаров отмечал: «Генерал К. Н. Деревянко был как раз тем начальником штаба, который обладал широким кругозором, знаниями, опытом, врожденным тактом в отношениях с подчиненными, сумел сплотить боевой коллектив офицеров штаба для выполнения многотрудных обязанностей по руководству и управлению войсками.

<...> Штабное дело Кузьма Николаевич знал превосходно. Офицеры штаба армии уважали и любили его. Генерал никогда не повышал голоса. Вместе с тем он был очень требователен к подчиненным и еще в большей степени – к себе» [3, с. 94].

В декабре 1943 г. – марте 1944 г. начальник штаба 57-й армии 2-го Украинского фронта, с марта 1944 г. и до окончания войны – начальник штаба 4-й гвардейской армии 2-го и 3-го Украинских фронтов. Участвовал в Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Яско-Кишиневской стратегической, Будапештской стратегической наступательной, Балатонской оборонительной и Венской стратегической наступательной операциях. Постановлением СНК СССР от 19 апреля 1945 г. присвоено воинское звание «генерал-лейтенант».

В наградном листе (февраль 1945 г.) указывалось: «В боях на территории Венгрии с 25.11.1944 г. по 10.2.1945 г. ...в качестве начальника штаба армии умело разработал планы трех армейских операций: 1) операция по форсированию Дуная и выходу войск армии на рубеж оз. Балатон – оз. Веленце; 2) операция по прорыву сильно укрепленной оборонительной полосы противника («Линия царицы Маргариты») и выходу войск армии к Дунаю на участке Дунаальмаш – Естергом; 3) операция, связанная с оборонительными боями армии по отражению многочисленных атак противника с целью прорыва к окруженной будапештской группировке. В течение непрерывных 75-дневных боев гв. генерал-майор Деревянко успешно контролировал и направлял выполнение планов указанных операций...» [6, с. 46].

Закончил войну на Западе генерал Деревянко начальником штаба 4-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта.

К. Н. Деревянко был не просто сухим воякой, а живым человеком с яркими чувствами и пристрастиями, мужеством и выдержкой. Он определил в разведку, а затем в военное училище своего пятнадцатилетнего сына, дважды успешно сбегавшего на фронт из Челябинска. Любил музыку. В еще не полностью освобожденной Вене Кузьма Николаевич поручил сыну разыскать могилы великих композиторов, а когда тот нашел кладбище, где были похоронены Штраус и Шуберт, то дал денег и поручил купить большие букеты живых цветов и возложить их на эти могилы. Очень сожалел, что могила Моцарта неизвестна [5, с. 38].

В мае–июле 1945 г. К. Н. Деревянко являлся представителем советского военного командования в Союзническом совете по Австрии, в июле он был назначен начальником штаба 35-й армии Приморской группы войск Дальневосточного фронта, на базе которого 5 августа был создан 1-й Дальневосточный фронт.

Деревянко ехал на поезде Москва – Владивосток. По дороге он листал рус-

ско-японский словарь, вспоминая язык, который за военные годы подзабыл, поскольку в нём не было нужды. Однако к месту дислокации своей армии Деревянко так и не прибыл. В дороге 15 августа он получил приказ покинуть поезд в Чите, где ему было приказано прибыть в Ставку Главного командования советских войск на Дальнем Востоке [4].

На перроне читинского вокзала его встретил известный ему генерал-полковник С. П. Иванов, начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке. Главкомандующим войск был также хорошо ему знакомый маршал А. М. Василевский, в чьё распоряжение он поступил и который ввёл его в курс дел. Деревянко была вручена телеграмма, подписанная И. В. Сталиным и начальником Генерального штаба А. И. Антоновым, которая гласила, что он назначен представителем Главного командования при штабе Верховного главнокомандующего союзными армиями – генерала армии Дугласа Макартура.

Вопрос, кому персонально от лица Верховного Главнокомандования Вооружёнными силами СССР поручить координацию мероприятий, связанных с подготовкой и приёмом капитуляции последнего союзника Германии – милитаристской Японии, судя по датам получения послания от Г. Трумэна и отправки ответа И. В. Сталина, решался в Кремле 12 августа 1945 г. Следовательно, выбор был сделан в течение этого дня. Вполне вероятно, что этот вопрос решался заблаговременно в обстановке глубокой секретности, так как сделать качественный выбор за один день было крайне трудно из-за возрастания возможности ошибиться с определением кандидатуры на эту роль. Да и сам И. В. Сталин к подобным мероприятиям, как мы знаем, подходил очень тщательно и заблаговременно. Вспомним хотя бы историю с назначением маршала Г. К. Жукова командующим 1-м Белорусским фронтом, которому предстояло брать Берлин.

Из послания президента США Г. Трумэна генералиссимусу И. В. Сталину: «Предлагаю, чтобы генерал армии Дуглас Макартур был назначен Верховным Командующим, представляющим союзные державы, для принятия, координации и проведения общей капитуляции японских вооружённых сил <...> Прошу Вас немедленно сообщить мне о назначаемом Вами представителе с тем, чтобы я мог уведомить генерала Макартура. Я предлагаю, чтобы немедленно была установлена непосредственная связь с генералом Макартуром в отношении каждого мероприятия» [2].

Из послания генералиссимуса Сталина президенту Соединённых Штатов

г-ну Г. Трумэну: «Получил Ваше послание от 12 августа относительно назначения генерала армии Дугласа Макартура Верховным Главнокомандующим <...> Советское Правительство согласно с Вашим предложением <...> Представителем Советского Военного Главного командования назначен генерал-лейтенант Деревянко, которому и даны все необходимые инструкции. 12 августа 1945 года» [2].

Решение о назначении генерала Деревянко представителем Советского Военного Главного командования в Японии было в определенной степени ситуативным, но, конечно же, не случайным.

Почему выбор И. В. Сталина пал на К. Н. Деревянко? Просто лучшей кандидатуры, чем он, было не найти.

Во-первых, требовался соответствующий статус, а проще – генеральское звание. Оно имелось и вполне заслужено. Деревянко был боевым генералом, кавалером многих наград СССР.

Во-вторых, это знание английского и японского языков. В 1945 г. Советских Вооруженных Силах, скорее всего, не было другого генерала или адмирала (всего к концу Великой Отечественной войны в СССР их было 5 599), владевшего одновременно этими двумя иностранными языками. Ведь направляли Деревянко к Макартуру, а затем в Японию работать, а не только представлять.

В-третьих, он был штабистом и аналитиком, организатором, профессиональным разведчиком с уникальным опытом, умевшим как наблюдать, так и действовать в отрыве от основных сил; обладал стратегическим мышлением и врожденным тактом в отношениях со старшими начальниками и подчиненными, был инициативен и железно дисциплинирован. Деревянко имел хорошую, почти фотографическую память. Именно эти качества и требовались в Японии.

Проявились они давно – в 1936–1938 гг. при выполнении спецзадания в Китае. Во время Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) К. Деревянко как начальник штаба Особого лыжного отряда 9-й армии занимался не только планированием боевых действий отряда, но и сам участвовал в его разведывательно-диверсионных действиях в сложных зимних условиях. С августа 1940 г. К. Деревянко – замначальника разведотдела Прибалтийского Особого военного округа, а с 27 июня 1941 г. – начальник разведотдела штаба Северо-Западного фронта. Кроме того, за несколько месяцев до войны нелегально выполнял разведывательное задание в Восточной Пруссии, вероятно, связанное с добытием

данных о приготовлениях немцев к войне с СССР.

В-четвертых, у Деревянко имеется пусть небольшой, но опыт дипломата. После войны он некоторое время представлял СССР в Союзном Совете по Австрии. Вероятно, его совместная работа с союзниками в Австрии, как и последующая миссия в Японии, были следствием всей предшествующей жизни, что и поставило его в нужное время в центр исторического события.

В-пятых, есть мнение, что, поручив подписание акта малоизвестному генералу, И. В. Сталин хотел принизить значение войны на Тихом океане, где главенствующую роль сыграли американцы. Однако эта версия не совсем верна, так как Сталин очень высоко ценил значение Победы над Японией. Тем более что и вклад Советского Союза в нее был весьма значительным, о чем говорят высказывания самых крупных союзных политиков и генералов того времени.

Видимо, дело здесь не столько в том, кому Сталин поручил подписание акта о капитуляции Японии, а в том, кому он этого не поручил. Не поручил он это сделать двум первейшим кандидатам – маршалу Жукову и маршалу Василевскому, под руководством которого был осуществлен разгром миллионной Квантунской армии. Не поручил он это сделать прославленным полководцам, видимо, лишь для того, чтобы не поощрять в них наполеоновских амбиций. Конечно, Сталин знал, что удачливым военачальникам эти амбиции вполне могут быть присущи. Как, например, не чужды они оказались генералу Д. Макартуру, который уже в 1944 г. стал претендовать на роль президента США. Верховному главнокомандующему, обладавшему известной интуицией, ничего подобного от своих полководцев не было нужно. Да и если бы это дело было поручено Василевскому, то он бы об этом знал, вероятно, заранее, как почти за год до начала Советско-японской войны, в конце августа 1944 г., после окончания Белорусской операции, в которой он осуществлял координацию действий фронтов как представитель Ставки. И. В. Сталин в беседе с ним сказал, что ему будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией [1, с. 453].

Подыскать более подходящую кандидатуру для выполнения задач военного дипломата и разведчика в Японии – представителя советского Главнокомандования – вряд ли было возможно. Но одно дело быть представителем командования здесь и сейчас, а также на долгую перспективу, другое – исполнить на «Миссури» в общем-то парадно-представительскую роль и убыть в Москву.

Советскому руководству в разгромленной и послевоенной Японии требовался не просто военный человек, исполнитель технической функции, но военный дипломат, глава постоянной миссии, который бы и позже был напрямую вхож в кабинет Макартура, главы оккупационного режима. Участие в церемонии подписания акта о капитуляции Японии, которой руководил сам американский генерал армии, «представителя Сталина», кем бы он ни был, обеспечивало этому лицу достаточный авторитет в будущем. Выбор себя оправдал.

В Москве хорошо знали и о страсти американского генерала к театральным жестам: чего стоило одно его недавнее представление под названием «Макартур освобождает Филиппины». Сталин был уверен, что и на борту «Миссури» может произойти нечто подобное. «Тихоокеанский Наполеон» не обманул его ожиданий, превратив капитуляцию японцев в настоящий спектакль с собой в главной роли. Сталин, зная об этой слабости Макартура, здраво рассудил, что участие кого-либо из советских маршалов в этом цирке может привести к конфликту, который в этих условиях был совершенно не нужен. Поэтому представлять Советский Союз на бенефисе американцев должен был не военачальник, а дипломат. Сотрудники наркомата иностранных дел на эту роль не годились, среди союзных генералов они бы смотрелись белыми воронами. Значит, надо было найти имеющего дипломатический опыт военного и достаточно высокого ранга. К тому же, нельзя было упускать уникальный шанс взглянуть на процесс начала оккупации американцами Японии, так сказать, изнутри. Повторно такая возможность могла и не представиться, поэтому был нужен человек, владеющий английским и японским языками, умеющий не столько говорить, сколько смотреть, слушать, запоминать и анализировать. При этом такие его качества должны быть скрыты для союзников.

Кузьма Николаевич Деревянко подходил на эту роль идеально. С виду бравый вояка с открытым и честным русским лицом, в достаточно высоком звании, но не принадлежащий к сливкам военной элиты СССР. Поэтому у союзников не могло быть на него более-менее подробного досье и его должны были воспринимать тем, кем он и казался. Расчёт оказался верным. К генералу относились дружелюбно, но под плотную опеку не брали и по тусовкам с участием первых лиц не таскали – не того масштаба фигура. К его странностям, например, о разрешении посетить пепелища Хиросимы и Нагасаки, которые в других условиях могли бы вызвать подозрение, отнеслись вполне снисходительно: раз хочет, пусть едет. Что интересного там может увидеть бывший начальник штаба армии,

который про атомную бомбу знать ничего не может. Между тем, если бы американцы получили возможность заглянуть в личное дело сорокалетнего посланца Сталина, они бы реагировали иначе.

25 августа 1945 г. из Владивостока Деревянко вылетел на Филиппины, где в Маниле дислоцировался штаб американских вооруженных сил на Тихом океане. Уже в Маниле 27 августа Деревянко получил телеграммой приказ о его переподчинении Ставке Верховного главнокомандования и полномочиях на подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии от имени Советского Верховного главнокомандования. Шифрограмма (№ 12513 от 26–27.08.1945 г., двойная дата из-за разницы в часовых поясах) гласила: «Генерал-лейтенант т. Деревянко, Вы уполномочиваетесь от Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил подписать акт о безоговорочной капитуляции Японии. В связи с этим Вы подчиняетесь только Ставке Верховного Главнокомандования» [2].

Рано утром 15 августа японский император Хирохито сделал по токийскому радио заявление о том, что Япония принимает все требования Потсдамской декларации, то есть прекращает ведение боевых действий на всех фронтах. Слово «капитуляция» ни японские генералы, ни сам Хирохито старались не употреблять, заявляя о том, что в японском языке такого термина нет. Всё вроде бы было гораздо проще – Император объявил войскам своё решение о прекращении войны, но фактический приказ о капитуляции Квантунской армии (на трёх советских фронтах) император Хирохито отдал только 17 августа. Однако лишь с 19 августа японские войска, находящиеся в Маньчжурии, начали капитулировать.

Бои на Сахалине длились до 26 августа, а очищение Курильских островов продолжалось до 8 сентября.

Оккупация союзниками Японии началась 28 августа. 30 августа вместе с Макартуром и представителями стран-союзников Деревянко прибыл в Японию, а 2 сентября 1945 г. принял участие в церемонии подписания акта о капитуляции Японии.

За полгода до этого, в последний день Крымской конференции, 11 февраля 1945 г. И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль подписали соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока, которое предусматривало вступление СССР в войну против Японии через 2–3 месяца после окончания войны в Европе. При этом оговаривался ряд условий, важнейшими из которых были: сохранение существующего статус-кво Монгольской Народной Республики; возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина и всех прилегающих к нему островов, от-

торгнутых у России по Портсмутскому мирному договору 1905 г., а также передача ему всей группы Курильских островов и ряд других. В документе также было указано, что главы правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть, безусловно, удовлетворены после победы над Японией.

В результате войны с Японией СССР фактически возвращал в свой состав территории, утраченные Россией в 1905 г. по итогам Портсмутского мирного договора (южный Сахалин и временно Квантун с Порт-Артуром и Дальний), а также ранее уступленную Японии в 1875 г. основную группу Курильских островов и закрепленную за ней Симодским договором 1855 г. южную часть Курил.

Щедрость союзников была обусловлена тем, что накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта в том, что война с Японией без участия СССР могла, по утверждению государственного секретаря США Э. Стеттиниуса, продолжаться и в 1947 г. или позже, а разгром ее мог стоить Америке миллиона солдат. Для американского командования на Тихом океане решение Японии о капитуляции было неожиданным. Всего за несколько дней до капитуляции оно заявило, что война на Дальнем Востоке закончится не ранее середины 1946 г., и даже назначило высадку десанта в Японии на конец 1945 г. (Сроки войны с Японией, видимо, были уменьшены в связи со вступлением в нее Советского Союза. – *А. К.*).

Кстати, в качестве вознаграждения за вступление в войну с Японией на стороне союзников последние готовы были передать Советскому Союзу даже всю территорию Маньчжурии. После того как Сталин назвал условия нашего правительства, руководители делегаций США и Великобритании на переговорах на Крымской (Ялтинской) конференции были очень удивлены скромностью притязаний советской стороны в этом вопросе.

Следующий крупный шаг по вовлечению СССР в войну против Японии был сделан на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.). Президент Г. Трумэн в своих воспоминаниях сообщает, что это было главным смыслом Потсдама. Атомное оружие могло устрасить противника, но не решить военную проблему. Помочь решить проблему с Японией могли боевые действия Советских Вооруженных Сил. СССР вступил в войну с Японией в ночь с 8 на 9 августа (около часа ночи по хабаровскому времени).

К слову сказать, в новое время опровергнут миф об атомном оружии как о главном аргументе, вынудившем Японию капитулировать. Премьер-министр

Японии адмирал К. Судзуки в 10 час 30 мин 9 августа (еще до атомного удара по Нагасаки в 11 час 02 мин по токийскому времени) на заседании высшего совета по руководству войной заявил: вступление Советского Союза в войну создало безвыходное положение и сделало невозможным дальнейшее продолжение войны.

Даже после атомной бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки Япония была намерена продолжать войну, перебросив Квантунскую армию на Японские острова, а в случае критической опасности – вести боевые действия с территории оккупированного Китая. Жертвы же американцев были бы при этом огромны. Лишь вступление Советского Союза в войну против Японии в соответствии с его обязательствами перед союзниками успешное проведение Маньчжурской стратегической наступательной операции¹ и разгром в короткие сроки японской Квантунской армии предотвратили жертвы союзников и ускорили окончание Второй мировой войны.

Это утверждение подтверждается обращением японского императора. В своём «Рескрипте солдатам и морякам», опубликованном 17 августа, император указал именно на результаты советского вторжения в Маньчжурию и на своё решение капитулировать, опустив упоминание атомных бомбардировок: «Со времени объявления нами войны Англии и Америке прошло 3 года и 8 месяцев. Все это время наши доблестные солдаты и моряки не щадили жизни на полях жестоких сражений и в бушующем океане. Теперь, когда в войну вступила Россия, дальнейшее продолжение войны с точки зрения внутренней и внешней обстановки в нашей стране могло бы привести к потере основ нашей империи. Поэтому я обратился к Америке, Англии и России с предложением заключить мир». Как видим, главной причиной, заставившей Японию заявить о желании мира, стали не атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а вступление в войну СССР.

Несмотря на всю свою бесчеловечность обе американские атомные бом-

¹ В Маньчжурской стратегической наступательной операции нашли воплощение все достижения военной мысли и военного искусства, накопленные Советскими Вооруженными Силами во время Великой Отечественной войны. По мнению союзников в 1945–1946 гг., это была самая блистательная наступательная операция Второй мировой войны по оригинальности замысла и мастерству исполнения, потерям сторон и стратегическому результату – капитуляции Японии по ее окончании. Позднее они об этом старались не упоминать. Однако не случайно Маньчжурская стратегическая наступательная операция была взята за рубежом за основу моделирования стратегических операций будущего. – А.К.

бардировки, даже по утверждению западных политиков и историков, не причинили крупного урона ни промышленности, ни вооружённым силам, ни стратегическим запасам. Основная часть промышленных объектов, рассредоточенных по всей территории Японии, практически осталась невредима. Войска также были размещены по территории всей страны, а ведь из всей стратегической группировки японских вооружённых сил (5 млн человек) на островах метрополии находилось на тот момент более 2 млн человек.

Роль атомных бомбардировок в завершении войны и их этическая обоснованность до сих пор остаются предметом дискуссий.

Япония могла (об этом Макартур прямо говорил Деревянко) вполне успешно воевать ещё много месяцев. Решающим фактором для капитуляции стало вступление СССР в войну.

Еще до подписания акта о капитуляции Японии Деревянко вёл переговоры с Макартуром по важнейшим вопросам. Через него советское руководство действительно ставило вопрос перед США о советской оккупации части острова Хоккайдо. Хоккайдо был вторым по величине островом Японии. Однако его исторически можно рассматривать как относящегося к Курильским островам, а не к Японским, так как в XVIII в., когда Российская империя начала активно осваивать этот район Тихого океана, японской администрации на острове не было. Вопрос о Хоккайдо был снят с повестки советской стороной вовсе не после атомной бомбардировки Нагасаки, как полагают отдельные историки и политики. Дескать, удар 6 августа по Хиросиме был акцией устрашения императора и мести за японские зверства, проявленные к военнопленным, а бомбардировка же 9 августа Нагасаки стала устрашением генералиссимуса Сталина. Это не так.

Шифрограмма от 17 августа 1945 г., подписанная Сталиным и Антоновым (11-й день после Хиросимы и 8-й после Нагасаки) – инструкция Деревянко по территориальным требованиям СССР:

«1. Предложение американского правительства:

Маньчжурия, Сахалин (южная часть) и Корея севернее 38 сев. широты.

2. Советское правительство приняло указанное предложение с оговоркой, что оно считает Ляодунский полуостров с портами Дайрен и Портартур, входящими в пределы Маньчжурии, и дополнительно потребовало следующие районы: Курильские острова и северную половину острова Хоккайдо севернее линии, идущей от города Кусиро до города Румоз, включая оба указанных города в советский район.

Настаивать перед ген. Макартуром на выполнении этого требования Советского Правительства.

3. Поставить перед ген. Макартуром вопрос о предоставлении Советскому Союзу какой-либо зоны дислокации Советских войск в Токио» [2].

Но союзники, добившись своего от СССР, умерили свою «щедрость». Они действовали по неписаному волчьему закону: искать помощи в трудностях и отшивать партнёра при окончании, т. е. работали вместе, а результаты порознь.

Американское правительство с самого начала не собиралось пускать Советский Союз в Японию и отвергало союзный контроль в послевоенной Японии, предусмотренный Потсдамской декларацией. 18 августа США выдвинуло требование выделить для американской базы ВВС один из Курильских островов. Москва отклонила это наглое притязание, заявив, что Курилы, согласно Крымскому соглашению трех великих держав по вопросам Дальнего Востока – это владение СССР. Советское правительство сообщило, что готово выделить аэродром для посадки американских коммерческих самолётов при условии выделения аналогичного аэродрома для советских самолётов на Алеутских островах.

Из Кремля Деревянко получил инструкцию по теме «Хоккайдо». Планы у советского руководства изменились, приходилось считаться с новой реальностью: СССР стал не нужен. Шифрограмма от 26 августа 1945 г.:

«1. Не возбуждать вопроса о сдаче (японских ВС) Советским войскам в северной половине Хоккайдо.

2. Не возбуждать вопроса о предоставлении Советскому Союзу какой-либо зоны дислокации Советских войск в Токио.

3. Настаивать перед ген. Макартуром о дислокации Советских войск на всех Курильских островах (как на собственных, согласованных Крымской конференцией)» [2].

В конце августа американские войска во главе с генералом Дугласом МакАртуром готовились оккупировать японские острова.

Деморализованный и разгромленный противник устами императора Хирохито 14 августа записал своё заявление о капитуляции, которое было распространено японскими СМИ на следующий день, несмотря на попытку военного переворота, предпринятую противниками капитуляции. Боевые действия против США и их союзников, по крайней мере, фактически были завершены. Оставалось зафиксировать условия капитуляции и подвести окончательную черту под войной.

20 августа японцам в Маниле был вручен текст акта о капитуляции. Документ предусматривал безоговорочную капитуляцию японских вооруженных сил, вне зависимости от места их дислокации. Японские войска были должны немедленно прекратить боевые действия, освободить военнопленных и интернированных гражданских лиц, обеспечить их содержание, защиту и доставку в указанные места.

Утром 2 сентября 1945 г. на палубе украшенного флагами союзных наций американского линкора ВМС США «Миссури»¹, стоявшего вместе с другими боевыми кораблями в Токийском заливе, царило необыкновенное оживление. Все готовились к церемонии подписания Акта о капитуляции Японии во Второй мировой войне.

Сама церемония была построена так, чтобы показать главную роль Соединенных Штатов в победе над Японией. Взоры всех присутствующих были устремлены к столу, установленному в центре палубы. По одну его сторону стояли представители стран-победительниц (США, СССР, Китая, Великобритании, Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии), по другую – 11 представителей делегации разгромленной Японии. Руководителем процедуры подписания акта был назначен Верховный Главнокомандующий Союзных держав генерал армии Дуглас Макартур. Верховное Главнокомандование Советских Вооруженных Сил представлял генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Его сопровождали: генерал-майор авиации Н. В. Воронов, контр-адмирал А. М. Стеценко, переводчик – капитан Н. М. Карамышев. Впрочем, сам Деревянко владел как английским, так и японским языками.

Неожиданно из толпы корреспондентов, а всего их на церемонии было 230, к Деревянко прорвался сквозь кордон военной полиции человек с фотоаппаратом. В нем генерал опознал легендарного фотокорреспондента «Правды» В. Тёмина². Журналист шепнул: «Мне не дают места для съёмки!». Все места для

¹ Почему «Миссури»? Миссури был родным штатом президента Г. Трумэна, а «крестила» этот корабль родная дочь президента Маргарет. На корабль доставили флаг из Вашингтона, который был над Капитолием 7 декабря 1941 г., в день нападения японского флота на американский в Перл-Харборе. – А.К.

² Виктор Тёмин – это фотограф «Правды», который 2 мая 1945 г. с борта самолета ПО-2, яростно обстреливаемого немцами, сумел сделать исторический снимок Красного знамени Победы на вершине купола Рейхстага. В тот же день Тёмин, проявив незаурядную смекалку, вернулся в Москву и в считанные минуты напечатал снимок, который сразу же пошел в набор «Правды» от 3 мая. А уже утром 3 мая на улицах Берлина Тёмин раздавал свежий номер «Правды» с фотографией советским солдатам и офицерам. Союзники, потрясенные такой не-

съёмки были уже заранее распроданы ведущим информационным агентствам мира (стоимость места вблизи стола доходила до 10 тыс. долларов). В. Тёмина, вставшего на чужое место, дюжая американская военная полиция вознамерилась выбросить за борт. «Идите за мной», – не оборачиваясь, скомандовал генерал. Навстречу вышел генерал армии Макартур. Деревянко, представляя членов делегации, кивнул: «А это корреспондент Виктор Тёмин, специальный фотограф Сталина». Макартур улыбнулся и предложил Тёмину занять любое удобное для него место.

Церемония началась в 10 часов по токийскому времени с акции «пять минут позора Японии». Японцы (их было 11 человек) должны были выдержать взгляд победителей. Их поставили лицом к китайской делегации; как известно, японцы китайцев за людей не считали. В течение пяти минут в атмосфере гнетущей тишины представители японской делегации во главе с министром иностранных дел Мамору Сигемицу должны были выдерживать укоризненные взгляды всех присутствующих. Напряжение на палубе достигло своего апогея.

И вот на палубе появился Дуглас Макартур. Американский генерал выступил с речью, в которой, в частности, он сказал: «Мы собрались здесь как представители главных воюющих держав, для того чтобы заключить торжественное соглашение, посредством которого можно будет восстановить мир. Проблемы, связанные с различными идеалами и идеологиями, были разрешены на полях сражений всего мира и потому не подлежат дискуссии или дебатам».

После окончания своей речи он небрежным жестом пригласил к столу японских представителей. Акты на английском и японском языках лежали на зелёной скатерти. М. Сигемицу произнёс: «По приказу и от имени императора Японии и японского правительства». Следом за Сигемицу подпись под актом поставил начальник японского Генерального штаба генерал Йошихидо Умэдзу. После этого представители Японии вернулись на своё место. Д. Макартур объявил свой выход: «Верховный Главнокомандующий Союзных держав подпишет теперь документ от имени союзных наций». Далее под этим текстом поставили подписи представители всех союзных стран, воевавших против Страны восходящего солнца. От имени США документ подписал Главнокомандующий Тихоокеанским флотом и прилегающими территориями адмирал флота Соединённых Штатов Честер Нимиц. После него подпись поставил начальник оперативного

бывалой оперативностью, пришли к выводу, что русские уже печатают «Правду» в Берлине. – А.К.

отдела Китайского Совета Национальной Обороны армии Чан-Кайши генерал Су Юн-чан. Следом представитель Великобритании, командующий Британским Тихоокеанским флотом адмирал Фрэнгер. После него наступила очередь поставить подпись (последним из Потсдамской «Большой Тройки») представителю СССР.

После Деревянко под актом оставили автографы представители Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии. После того как японской делегации вручили акт о капитуляции для передачи его императору Хирохито, среди японцев возникло замешательство. Они обнаружили, что в японском экземпляре акта четверо последних подписантов расписались не перед своими странами. Канадский полковник Мур Косгрейв ошибся первым, расписавшись «за Францию». Д. Макартур, приказал было заменить документ. Однако повторять процедуру сочли неблагоразумным, названия этих четырех государств были тут же крестом перечеркнуты и написаны вновь, но уже напротив соответствующих подписей.

Когда чернила на акте о капитуляции просохли, а все речи над палубой отзвучали, генерал Макартур неторопливо изрек: «А теперь давайте помолимся за мир, который был сейчас восстановлен для мира, и за то, чтобы Бог хранил его всегда. Процедура закончена». Процедура продлилась около 30 минут.

Этот акт положил конец Второй мировой войне, которая согласно отечественной и западной историографии, началась 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу (при этом китайские историки считают, что Вторая мировая началась с нападения японской армии на Китай 7 июля 1937 г.).

После этого в небе поплыли над заливом лавиной сотни «Летающих крепостей», а следом за ними на бреющем полете и в несколько эшелонов сотни и сотни истребителей, которые с бесшабашной лихостью принялись выделывать над «Миссури» пируэты высшего пилотажа – «петли», «бочки»... И вот уже сотни десантных судов рванулись к Токио и Иокогаме – началась американская оккупация Японии.

В этот же день, 2 сентября, с обращением к народу выступил И. В. Сталин: «Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооружен-

ными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие <...> Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году, во время Русско-японской войны <...> поражение русских войск в 1904 году в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано.

Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня» [7].

Также 2 сентября 1945 г. был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 3 сентября 1945 года днем победы над Японией» в ознаменование окончания Второй мировой войны. 3 сентября как День победы над милитаристской Японией был установлен памятной датой. После 1947 г. день 3 сентября перестал быть праздничным (выходным) днём, однако традиционно отмечался как день воинской славы (памятная дата). Долгое время в официальном календаре знаменательных дат этот праздник практически игнорировался.

К. Н. Деревянко был кадровым военным разведчиком и в Японии он не просто представлял Верховное Главнокомандование Советских Вооруженных Сил, но и скрупулезно изучал происходящее. В те дни в центре внимания были атомные бомбардировки японских городов, которые состоялись 6 и 9 августа 1945 г. Всех, разумеется, интересовало новое оружие огромной разрушительной силы.

После подписания акта о капитуляции Японии К. Н. Деревянко с огромной опасностью для здоровья несколько раз ездил в Хиросиму и Нагасаки. Он буквально излазил выжженные руины. Им были исследованы особенности и последствия атомных ударов, сделано немало фотографий этих городов. Составив об увиденном детальный отчет, Деревянко вместе с альбомом фотографий представил его в Генштаб.

30 сентября 1945 г. Деревянко был приглашён в Кремль для доклада высшему советскому руководству о проделанной работе и о положении дел в Японии. И. В. Сталина, в частности, интересовали последствия атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Деревянко подтверждал свои выводы фотографиями из закрытой зоны. Деятельность генерала в Японии получила положительную оценку. Впоследствии, несомненно, материалы К. Деревянко об атомной бомбардировке были использованы в ходе разработки советского атомного оружия.

После подписания акта и посещения городов, подвергшихся атомной бомбардировке, его миссия в этой стране не завершилась. В январе 1946 г. Кузьма Николаевич был назначен представителем СССР в созданном Союзном совете для Японии. Этот совет был создан в соответствии с решением Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.) в качестве консультативного органа союзных держав при американском главнокомандующем оккупационными войсками союзников в Японии для консультаций с Главкомандующим и дачи ему советов по вопросам, касающимся осуществления условий капитуляции, оккупации и контроля над Японией. В состав Союзного совета для Японии входили: представитель США – главнокомандующий оккупационными войсками (председатель), представители СССР, Китая и Великобритании. Местопребыванием Союзного совета для Японии был г. Токио.

В течение шести лет работы в Союзном совете для Японии К. Н. Деревянко проявил талант настоящего дипломата. Во многом благодаря активным действиям представителя СССР этот Союзный совет сыграл определенную роль в демилитаризации Японии, роспуске дзайбацу (*япон.* – финансовая клика), когда прежние концерны были реорганизованы по принципам современных американских и западноевропейских монополий, проведении земельной реформы и т. д. Отстаивая интересы советской стороны, К. Н. Деревянко одновременно выступал за демократические перемены в самой Японии и налаживание советско-японских взаимоотношений. Как член Союзного совета для Японии от СССР он выступал за неуклонное проведение в жизнь принципов Потсдамской декларации, решений Московского совещания министров иностранных дел, Дальневосточной комиссии против действий главнокомандующего по ограничению демократических прав японского народа и т. д.

Именно настойчивость Деревянко позволила добиться подписания Макартуром директивы, которая предписывала японскому правительству «прекратить осуществление или попытки к осуществлению государственной или административной власти» на всех островах к северу от острова Хоккайдо. Это предполагало полный отказ Японии от Курильских островов, как северных, так и южных. Хотя именно это и предусматривалось решениями Потсдамской конференции, американцы в условиях разгоравшейся «холодной войны» были не прочь этот вопрос «заиграть».

Только за период с апреля 1946 г. по январь 1949 г. Деревянко подготовил

и вынес на обсуждение 33 заявления и рекомендации, в том числе, вопросы о выборах в японский парламент, об учете и деятельности бывшего японского офицерского корпуса, о реорганизации японской полиции, о создании японским правительством комиссии по расследованию причин войны и поражения Японии, об изъятии фашистской, милитаристской и антисоюзнической литературы и многие другие. Однако многие из них по вине генерала Макартура не находили положительного решения.

Попытки советского представителя Союзного совета добиться от оккупационного режима разрешения на прокат в Японии советских кинофильмов и распространение книг советских авторов также успехом не увенчались.

Деятельность Деревянко нашла признание. В мае 1946 г. Президент США Гарри Трумэн наградил его орденом. В 1947 г. по решению Президиума Верховного Совета СССР он был награжден вторым орденом Ленина.

В апреле 1952 г. в связи с вступлением в силу Сан-Францисского договора 1951 г. США в одностороннем порядке приняли решение о прекращении деятельности Союзного совета для Японии.

После этого Кузьму Николаевича перевели в Москву, где он занимал должности начальника кафедры вооруженных сил иностранных государств Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова, а затем – заместителя начальника и начальника Управления информации Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Советской Армии.

Вследствие ядерного облучения, полученного во время посещения Хиросимы и Нагасаки, самочувствие К. Н. Деревянко основательно ухудшилось. Последние месяцы своей жизни легендарный генерал провел в больнице. Умер Кузьма Деревянко от рака 30 декабря 1954 г. в возрасте 50 лет и был похоронен 3 января 1955 г. на Новодевичьем кладбище в Москве.

В некрологе, напечатанном в «Правде» и «Красной звезде», не была (ввиду специфики службы) указана последняя должность Кузьмы Николаевича и не перечислены иностранные ордена. Подписали некролог министр обороны Маршал Советского Союза Н. А. Булганин, выдающиеся советские полководцы – Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. В. Василевский, В. Д. Соколовский, И. С. Конев, С. К. Тимошенко, Р. Я. Малиновский и ряд видных друзей-генералов.

За свою службу Отечеству К. Н. Деревянко был награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени (третий был вручен Деревянко в

1954 г., незадолго до смерти), полководческими орденами Суворова I и II степеней, Кутузова I и II степеней и Богдана Хмельницкого I степени, орденом Красной Звезды, медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «За взятие Будапешта» и «За взятие Вены», иностранными орденами: американским «Legion of Merit» («Легион почета») офицерской степени и двумя венгерскими – «Мадьяр Сабадшаг» (Венгерская свобода) I степени и «За заслуги в борьбе за свободу» III степени. 7 мая 2007 г. указом президента Украины генерал-лейтенанту К. Н. Деревянко присвоено звание Героя Украины (посмертно).

Нельзя не вспомнить о том, что только два советских военачальника удостоены чести быть изображенными на юбилейных монетах, выпущенных Центробанком России в 1995 г., в честь 50-летия Победы – Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Георгий Константинович Жуков увековечен на двух монетах, посвященных подписанию Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и Параду Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади.

А на реверсе юбилейной монеты, посвященной победе над Японией, изображен момент, когда генерал-лейтенант К. Н. Деревянко подошел к столу и ставит подпись под актом о безоговорочной капитуляции Японии, ставшим приговором японскому империализму. По окружности надписи: сверху – «Безоговорочная капитуляция Японии», внизу – «2 сентября 1945 года».

На второй монете, выпущенной Центральным банком России к юбилею разгрома Японии, изображена капитуляция Квантунской армии – ее солдаты кладут знамена своих частей к ногам советских воинов-победителей. По кругу надпись: «Разгром Квантунской армии в Маньчжурии. 9.08–19.08 1945 г.».

В настоящее время 2 сентября в Российской Федерации отмечается как «День окончания Второй мировой войны (1945 год)». Эта памятная дата установлена согласно Федеральному закону «О внесении изменений в статью 1(1) Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»», подписанным президентом РФ 23 июля 2010 г. День Воинской славы установлен в честь памяти о советских воинах, проявивших мужество, героизм, преданность своей Родине и союзническому долгу. 2 сентября – это своего рода второй День Победы России, победы на Востоке.

* * *

1. *Василевский А. М.* Дело всей жизни. 5-е изд. М. : Воениздат, 1984. 496 с.
2. *Катальна А.* Автограф генерала Деревянко. Он подписал со стороны СССР Акт о безоговорочной капитуляции Японии // Столетие (Киев). 2015. 4 сент.
3. *Манагаров И. М.* В сражении за Харьков. 2-е изд., испр. и доп. Харьков : Прапор, 1978. 256 с.
4. *Мережко А. Г.* Второй этап войны с Японией // Аргументы времени. 2013. 3 сент.
5. *Раевский В.* Полковник Деревянко: оценка противника и планирование разведки Северо-Западного фронта. 2-е изд., расширенное и дополненное. Киев : Фонд ветеранов военной разведки, 2011-2012. 57 с.
6. Слава и гордость советской военной разведки. Биографический сборник-альбом. Оперативная разведка. ГРУ ГШ ВС СССР, 1967. 125 с.
7. *Сталин И. В.* Обращение к народу (2 сентября 1945 года) // Правда. 1945. 3 сент.
8. *Трохименко Л. Н.* Легендарный Генерал. Документальное исследование. К. : КНЭУ, 2004. 772 с.